

Андрей Морачевский¹

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК НА ПОРОГЕ СВОЕГО ТРЕХСОТЛЕТИЯ

*Первый свободно избранный
президент Академии наук
Александр Петрович Карпинский*

Как известно 28 января (по старому стилю) 1724 г. Петр I Великий (1672–1725), первый российский император (с 1721 г.), подписал указ о создании в России Академии наук и художеств. В январе 1725 г. в Академию были избраны первые её члены, 16 академиков, все представители иностранных государств. В декабре того же года первым президентом Академии был назначен Л.Л. Блюментрост (1692–1755), лейб-медик Петра I. Существует версия, что именно ему принадлежит инициатива создания в Санкт-Петербурге Академии наук. Семья Блюментростов, медики, выходцы из Германии, в России с 1668 г.

Последним, двенадцатым президентом Императорской Академии наук в дореволюционные годы был великий князь Константин Константинович (1858–1915). Его отец, великий князь Константин Николаевич (1827–1892), сын императора Николая I и брат императора Александра II. 4 мая 1889 г. министр народного просвещения граф И.Д. Делянов известил великого князя Константина Константиновича о том, что «Государю императору благоугодно было 3 мая назначить Ваше Императорское высочество президентом Императорской академии наук». 13 мая на Общем собрании

---

¹ **Морачевский Андрей Георгиевич** — доктор технических наук, профессор, работал главным научным сотрудником Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, с 1973 по 2002 г. заведующий кафедрой физической химии там же. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат государственной премии Украины. Автор 22 книг по истории науки. Живёт в Санкт-Петербурге.

Академии наук после оглашения этого Указа с кратким словом выступил новый президент, который, в частности, отметил: «Выпавшее на мою долю призвание представляется мне обязанностью столь же отрадной и завидной, сколь трудной и ответственной». Великий князь был разносторонне образованным человеком, любил поэзию, сам писал стихи, публиковал их, указывая только инициалы К.Р., переводил классиков мировой литературы. За литературные заслуги он был избран в 1887 г. почётным членом Императорской Академии наук. Одновременно он состоял на военной службе, последний чин генерал от инфантерии [1; 2].

За 25 лет пребывания в должности президента Академии наук Константину Константиновичу удалось сделать многое: улучшено финансирование Академии наук, увеличено число штатных единиц академиков, расширены музеи, организован ряд экспедиций, построено новое здание Библиотеки Академии наук, создан Пушкинский дом. Это был самый успешный президент Академии наук из числа тех, кто был до него. В значительной степени ему помогали высокое общественное положение, заслуженный авторитет и безупречная репутация. Приход в Академию наук К.К. Романова ускорил процесс «обрусения» её.

С начала XX века существенную помощь в исполнении обязанностей президента Академии наук Константину Константиновичу оказывал вице-президент Петр Васильевич Никитин (1849–1916), ординарный академик с 1898 г., филолог, ранее занимавший должности профессора и ректора Петербургского университета. Очень подробные сведения о его жизни и научной деятельности содержатся в монографии Е.Ю. Басаргиной [3].

Несколько позднее (с 1904 г.) к руководителям Академии наук присоединился Сергей Фёдорович Ольденбург (1863–1934), непреременный секретарь Академии наук, экстраординарный академик с 1903 г., действительный член Академии наук с 1908 г. Он был крупнейшим востоковедом, говорил на 28 языках — европейских, азиатских, диалектах Индии. Свободно владел санскритом, греческим и латинским языками [4]. Как будет видно из дальнейшего изложения, особо важную роль играл С.Ф. Ольденбург в послереволюционные годы, в тяжелейшее для Академии наук время.

После кончины великого князя Константина Константиновича (2 июня 1915 г.) в соответствии с Уставом Академии наук обязанности президента стал исполнять вице-президент, академик П.В. Никитин. Однако 5 мая 1916 г. он скончался от инсульта. Исполнение обязанностей вице-президента было возложено на Ивана Парфеньевича Бородин (1847–1930), ординарного академика

с 1902 г., выдающегося специалиста в области анатомии и физиологии растений. В трудные 1918–1919 гг. И.П. Бородин оставался в голодном и холодном Петрограде, в мае 1919 г. он был освобождён от исполнения обязанностей вице-президента Академии наук.

В дореволюционной России Императорская Академия наук являлась признанным центром отечественной науки и культуры. Согласно Регламента (Устава) 1803 г. Академии отводилась роль ведущего общероссийского центра науки и организации научных исследований. Она должна была беспристрастно решать «все суждения и споры». В Уставе 1836 г. указывалось: «Академия наук есть первенствующее учёное сословие в Российской Империи».

Передачу власти Временному правительству с перспективой Учредительного собрания российское научное сообщество встретило с воодушевлением. Общее собрание Академии наук приветствовало Временное правительство. 4 марта 1917 г. было принято «Обращение к Временному правительству», в котором, в частности, говорилось: «Великие события последних дней ясно показали, что Россия объединяется в могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать её от внутренней разрухи и от внешнего врага: Россия под верховным руководством Государственной Думы вступила на истинный путь победы — объединения Русского народа, его армии и правительства...». На первом Общем собрании после совершившихся событий Академия наук единогласно постановила предоставить Правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, какими она может служить России [5].

Вскоре после установления власти Временного правительства Академия наук была переименована из Императорской в Российскую. 15 мая 1917 г. на Общем собрании Академии наук её президентом единогласно был избран академик Александр Петрович Карпинский. Это был первый выборный президент за всю почти двухсотлетнюю историю Академии наук в России. А.П. Карпинский не принадлежал ни к одной партии, он не принимал участия ни в демонстрациях, ни в сходках, ни в публичных протестах. Он был непоколебимо убеждён: человек науки должен заниматься только наукой. В этом его общественный долг и его общественное предназначение.

А.П. Карпинский родился в посёлке Турьинские рудники (г. Краснотурьинск Свердловской области) в семье горного инженера (26.12.1847–7.01.1936). Он окончил Горный институт в Петербурге в 1866 г. и уже с 1868 г. начал в нём преподавательскую

деятельность. В начале 1869 г. А.П. Карпинский защитил диссертацию на звание адъюнкта и приступил к чтению лекций по петрографии, исторической геологии, рудным месторождениям. С 1877 г. — профессор, с 1894 г. — заслуженный профессор, тайный советник.

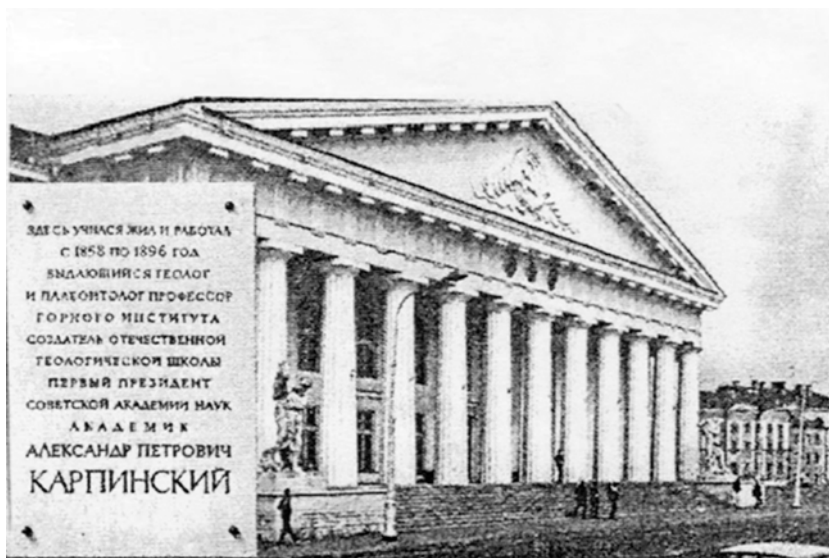
До 1882 г. Карпинский работал только в Горном институте, занимаясь всеми видами преподавательской деятельности. В январе 1882 г. в России появилась государственная геологическая служба — был создан Геологический комитет (Геолком). Первым директором его был назначен академик Г.П. Гельмерсен (1803–1885), в прошлом ректор Горного института. Однако уже летом того же года вышел в отставку в связи с преклонным возрастом. В октябре 1884 г. главой Геолкома был назначен А.П. Карпинский, много сделавший для развития геологической службы в стране. В 1896 г. он избирается действительным членом Императорской Академии наук. В 1899 г. становится президентом Минералогического общества и остаётся им до конца жизни. В связи со всем этим он вынужден в 1903 г. отказаться от должности директора Геолкома; в знак признания его заслуг удостоивается звания почётного директора. Ещё раньше, в 1896 г. А.П. Карпинский прекращает преподавание в Горном институте. Авторитет учёного внутри страны и за её рубежами непрерывно растёт; к концу XIX века он был членом или почётным членом 29-и отечественных и 21-го иностранного научных обществ, университетов или институтов.

В соответствии с правилами того времени А.П. Карпинский был избран президентом на пятилетний срок. Активнейшим помощником президента продолжал оставаться непреходящий секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург. На нём лежала основная организационная работа, его энергия и дипломатический талант спасали Академию и её членов до конца 1920-х годов.

Захват власти большевиками А.П. Карпинский, как и значительная часть русской либеральной интеллигенции, воспринял как катастрофу. 18 ноября 1917 г. состоялось экстраординарное Общее собрание действительных членов Академии наук. Открывая собрание, президент отметил, что произошедшее событие

угрожает стране гибелью. После обмена мнениями было решено поручить комиссии в составе академиков А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Ольденбурга, М.А. Дьяконова, Н.С. Курнакова и М.И. Ростовцева выработать приемлемый текст обращения Общего собрания Академии наук. Уже 21 ноября на очередном экстраординарном собрании был принят следующий текст: «Великое бедствие постигло Россию: под гнётом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продаёт свою душу, ценою постыдного и непрочного сепаратного мира, готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о её культурном призвании и о чести народной? — внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов.

Здание Горного института
и мемориальная доска памяти А.П. Карпинского

Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение её судеб Учредительному Собранию; оно должно охранить её от внутреннего и внешнего насилия; оно призвано обеспечить рост её культуры и упрочить её положение в среде просвещённых государств.

В твёрдом единении верных сынов Родины служители науки и просвещения сознают её мощь и преклоняются перед её волей: они готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую свободная Россия возлагает на Учредительное Собрание» (Протокол Общего собрания АН 21 ноября 1917 г.).

Обращение поддержали учёные советы целого ряда высших учебных заведений Петрограда.

О великом бедствии, настигшем Россию в октябре–ноябре 1917 г. говорилось и в отчётном докладе С.Ф. Ольденбурга за 1917 г.: «В беспримерно тяжёлое время приходится подводить итоги работы этого года. Тёмные невежественные массы поддались соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия встала на край гибели» [4]. Однако Ольденбург прекрасно понимал, что Академия наук как организация, финансируемая государством, должна считаться с реальной действительностью и не отказываться от сотрудничества с новой властью. В том же докладе говорится: «Люди науки не могут не сознавать, что без их работы немыслимы просвещение и культура, а без последних — никакое человеческое существование» [4]. Руководство Академии наук считало себя обязанным сделать всё для её сохранения. В то время Академия наук находилась в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР, возглавлял его А.В. Луначарский (1875–1933).

5 марта 1918 г. А.В. Луначарский обратился к президенту Академии наук с письмом, в котором шла речь о привлечении Академии наук к решению «стоящих перед страной экономических задач». В ответном письме президента сообщалось о принципиальной готовности Академии наук к сотрудничеству, но одновременно указывалось на трудности, с которыми связана деятельность Академии в послереволюционный период.

Непосредственные контакты с представителями власти начались в марте–апреле 1918 г. со встречи С.Ф. Ольденбурга с секретарём Совнаркома Н.П. Горбуновым (1892–1938), личным

А.П. Карпинский.
1870-е годы

секретарём В.И. Ленина, с 1935 г. академик и неперемный секретарь АН СССР. (Расстрелян.) Никакой симпатии к большевикам С.Ф. Ольденбург не имел и не мог иметь. Будучи одним из основателей конституционно-демократической (кадетской) партии, он был категорическим противником любого насильственного захвата власти. Как типичный представитель русской демократической интеллигенции он мог соглашаться с провозглашёнными большевиками конечными целями, но не мог принять методы, способы достижения этих целей. Установление в стране однопартийной системы находилось в противоречии самым элементарным представлениям о демократии. Однако С.Ф. Ольденбург видел перед собой конкретную задачу — спасти Академию наук, её членов в тяжелейшие годы.

12 апреля 1918 г. Совнарком РСФСР принял постановление о финансировании научных работ Академии наук. В 1919 г. вместо

Академик А.П. Карпинский
в начале XX века

подавшего в отставку И.П. Бородину вице-президентом РАН был избран академик (с 1912 г.) Владимир Андреевич Стеклов (1864–1926), выдающийся представитель отечественной математической школы, последователь П.Л. Чебышева (1821–1894) и В.А. Ляпунова (1857–1918). В сношениях с правительственными структурами В.А. Стеклов поддерживал конструктивный курс, принятый президентом РАН А.П. Карпинским и неперемным секретарём РАН С.Ф. Ольденбургом. В.А. Стеклов принял самое активное участие в решении проблем, стоящих перед Академией наук. Обладая большими организационными

способностями, именно он стал инициатором создания особого Комитета по науке, состоящего при правительстве страны. 20 июля 1922 г. Совнарком РСФСР принял постановление «Об учреждении Особого временного комитета науки». В двадцатые годы это был межведомственный орган, координирующий научные исследования в стране.

В.А. Стеклов (племянник критика и публициста Н.А. Добролюбова) не принадлежал к привилегированному сословию старой России. Он встал на путь сотрудничества с большевиками, умел с ними разговаривать и приобрёл у них определённый авторитет.

В 1918–1920 гг. положение в стране в целом было очень тяжёлым. В ноябре 1920 г. учёные Петрограда направили записку в Совнарком с целью указать на неотложность ряда мероприятий для сохранения и поддержания научной работы [7]. В записке, в частности, говорилось: «Русские учёные считают своим долгом прямо и открыто заявить, что огромные усилия их и ряд достижений последних двух с половиной лет будут сведены на нет и не смогут дальше развиваться, если самым решительным образом не будут приняты меры к улучшению тех условий, в которых протекает научная работа и проходит жизнь научных работников». Необходимы гарантии неприкосновенности личности научных деятелей, поддержка их физических сил путём улучшения питания, улучшение быта учёных.

Записка от имени учёных Петрограда была подготовлена С.Ф. Ольденбургом, согласована с вице-президентом Академии наук В.А. Стекловым и с Максимом Горьким, который в те годы занимался вопросами быта учёных. Это было самое трудное время — период Гражданской войны, «военный коммунизм». За три года после революции — ко времени написания этой записки — от голода и тяжёлых лишений скончались сотни учёных, большое число их вынуждено было эмигрировать. В течение 1918–1920 гг. Российская Академия наук потеряла 12 академиков, скончались: математик А.М. Ляпунов, кристаллограф Е.С. Фёдоров, ботаник А.С. Фаминцын, зоолог В.В. Заленский, историки М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, Б.А. Тураев, геофизик М.А. Рыкачёв, востоковед В. В. Радлов, археолог Я. И. Смирнов, филологи И. С. Пальмов и А.А. Шахматов.

А.П. Карпинский со своей большой семьёй никуда не уехал. Финский геолог Я.И. Седергольм (иностраннный член РАН с 1918 г.) писал: «Маститый академик Александр Карпинский, Нестор русских геологов, живёт со своими дочерьми, зятем и внуками в холодной кухне и очень страдает от недостатка продовольствия, хотя его ученики с трогательной заботливостью приносят ему всё, что могут достать».

Эмигрировали за этот же период времени академики: историк античности и археолог М.И. Ростовцев, историк и искусствовед Н.П. Кондаков, историки П.Г. Виноградов и В.А. Францев,

публицист и философ П.Б. Струве, геолог и палеонтолог Н.И. Андрусов, химик П.И. Вальден. Ко времени окончания Гражданской войны в Академии наук осталось меньше половины её дореволюционного состава.

27 января 1921 г. В.И. Ленин в присутствии М. Горького принял вице-президента Академии наук В.А. Стеклова и С.Ф. Ольденбурга. В продолжительной беседе был обсуждён широкий круг вопросов. В заключение встречи В.И. Ленин сказал: «Я лично глубоко интересуюсь наукой и придаю ей громадное значение. Когда вам что-нибудь нужно будет, обращайтесь прямо ко мне» [4].

Слева направо: президент АН СССР А.П. Карпинский, непрременный секретарь С.Ф. Ольденбург и вице-президент В.А. Стеклов. 1925 г.

После встречи с Лениным положение учёных начало постепенно улучшаться, но процесс шёл очень медленно. 17 мая 1921 г. Академия наук приняла новое обращение к Совнаркому, в котором говорилось о гибели, грозящей отечественной науке, если не будут приняты безотлагательные меры. В скором времени Совнарком принял декрет об улучшении быта учёных, в котором предусматривалось обеспечение научных

работников пайками, увеличение заработной платы, сохранение нормальных жилищных условий. Получила определённые права Центральная комиссия по улучшению быта учёных (ЦЕКУБУ), которую возглавлял М. Горький. Активное участие в деятельности комиссии принимал Ольденбург.

В 1922 г. А.П. Карпинский был избран президентом Академии наук на второй пятилетний срок. В 1925 г. исполнялось 200 лет со времени первой Конференции (Общего собрания) действительных членов Академии наук и художеств России. Было решено провести торжества на государственном уровне с приглашением иностранных учёных. 27 июля 1925 г. Совнарком СССР принял по этому поводу специальное постановление. Оно касалось не только юбилея. Российская Академия наук была официально признана Всесоюзным научным учреждением и стала именоваться:

Академия наук СССР. Это было важное решение, распространяющее исследования Академии наук на все союзные республики.

Юбилей Академии наук отмечался 6–10 сентября 1925 г. сначала в Ленинграде, а затем в Москве. В торжествах принял участие 131 представитель зарубежных стран. Великий физик, лауреат Нобелевской премии (1916 г.) за одно из самых фундаментальных открытий в области физики, иностранный член АН СССР Макс Планк (1858–1947) возглавлял немецкую делегацию.

К середине двадцатых годов прошлого столетия по отношению к Академии наук складывались два подхода. Первый из них сводился к замене Академии наук какой-либо структурой, например, Коммунистической академией. Другой подход заключался в постепенном подчинении Академии наук руководству страной путём введения в число академиков коммунистов и овладения ими командных постов в Академии наук. Такой подход поддерживал председатель Совнаркома СССР, член Политбюро А.И. Рыков (1881–1938, расстрелян) и ряд других видных государственных деятелей. А.В. Луначарский так сформулировал эту позицию: «Наши реформы изменят Устав, затем мы меняем состав Академии, т.е. прибавляем туда наших академиков». Этот подход возобладал, и уже в июле 1925 г. Совнарком создал специальную комиссию для рассмотрения проекта нового Устава АН СССР.

30 мая 1926 г. Академия наук понесла большую утрату — скончался её вице-президент В.А. Стеклов. Исполнять обязанности вице-президента было поручено академику Александру Евгеньевичу Ферсману (1883–1945), геологу и геохимику, ученику и сотруднику академика В.И. Вернадского.

С ноября 1926 г. в Академии наук началось обсуждение проекта нового Устава АН СССР, 10 июля 1927 г. Совнарком этот Устав утвердил.

В 1927 г. А.П. Карпинский был единогласно переизбран президентом АН СССР на третий срок, хотя ему было уже восемьдесят лет и активного участия в руководстве Академией наук он принимать не мог.

До 1928 г. Академия наук продолжала оставаться относительно автономной структурой, финансируемой государством. Главной причиной реорганизации послужило то, что в числе академиков к 1929 г. не было ни одного коммуниста. Для исправления ситуации постановлением Совнаркома СССР удваивалось число действительных членов Академии наук, вводилась новая процедура выдвижения кандидатов в действительные члены — право

выдвижения получали научные и общественные организации, кандидатуры предварительно обсуждаются в комиссиях, в состав которых входят академики соответствующего профиля и «представители общественности». Впервые за всю историю Академии наук в Уставе появилась статья такого содержания: «Действительный член Академии наук лишается своего звания... если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР».

После принятия Устава в правительственных структурах реорганизацию АН СССР связывали с изменением её персонального состава. Совнарком и Политбюро подготовили список девяти членов партии, которые на ближайших выборах (1929 г.) должны быть избраны действительными членами Академии наук. Список возглавляли ведущие идеологи партии Н.И. Бухарин (1888–1938, расстрелян) и Д.Б. Рязанов (Гольдендах, 1870–1938, расстрелян).

Из числа академиков наиболее непримиримым противником реформы был физиолог И.П. Павлов, лауреат Нобелевской премии (1904). Весьма критически относились к нововведениям В.И. Вернадский и А.Н. Кuryлов. Выборы новых членов Академии наук состоялись 12 января 1929 г. В голосовании приняли участие 30 академиков (9 академиков отсутствовали, в их числе были И.П. Павлов и В.И. Вернадский). Как и прежде, требовалось набрать 2/3 голосов присутствующих академиков. При голосовании не набрали необходимого числа голосов три «правительственных» кандидата: философ А.М. Деборин, историк Н.М. Лукин и литературовед В.М. Фриче.

Против Академии наук началась хорошо организованная кампания в печати. По выражению А. В. Луначарского: «Почтенные сановники от науки захотели поиграть с огнём». Опасаясь репрессивных мер, руководители Академии наук пошли на беспрецедентный шаг — обратились в Совнарком за разрешением провести для трёх кандидатов повторное голосование уже нового состава Академии наук. Против такого нарушения Устава Академии наук резко выступил академик И.П. Павлов, его поддержал ряд авторитетных академиков. Академик В.И. Вернадский протестовал вообще против избрания философов в Академию наук, против привилегированного положения диалектического материализма как одного из философских учений, считал, что сама приверженность советских философов диалектическому материализму лишает их труды какого-либо серьёзного научного значения (имелся в виду прежде всего А.М. Деборин) [8]. Однако открытым голосованием всего нового состава Академии наук предложение руководства

академией было принято. Целый ряд академиков старого состава не приняли участия в голосовании. Ходатайство Академии наук о повторном голосовании для трёх кандидатов в академики рассматривалось на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома. Разрешение было получено [5; 6]. 13 февраля 1929 г. на Общем собрании Академии наук все три кандидата стали академиками. По существу прошедшие выборы и состоявшиеся довыборы были капитуляцией Академии наук и началом наступления на неё.

Уже в марте 1929 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании комиссии для рассмотрения предложений, внесённых фракцией коммунистов-академиков. Началась «чистка госаппарата», под которую попадали все работники учреждений Академии наук, кроме самих академиков. Тон задавали газеты: «Мы требуем, чтобы вся деятельность Академии наук проходила под контролем всей пролетарской общественности». Комиссию по чистке возглавил член ЦКК РКИ Ю.П. Фигатнер, в состав комиссии вошли неприменный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, академики А.Е. Ферсман и В.Л. Комаров, представители Путиловского, Балтийского и других крупных заводов, общественных организаций. По наиболее надёжным данным [6; 7] в результате чистки из 960-ти штатных сотрудников было уволено 128 человек, а из 820-и нештатных — 520 человек. Главным критерием было социальное происхождение и характер службы до революции. Как правило, это были знающие своё дело люди, хорошо образованные, владеющие иностранными языками.

В последние месяцы тяжёлого для Академии наук года на основании агентурных данных было установлено, что в ряде учреждений академии хранятся важные политические документы, частично не зарегистрированные. Правительственные органы в своё время были оповещены об этом и не усматривали здесь опасности для существующего режима. Коммунистическая фракция использовала эту ситуацию как предлог для репрессий, прежде всего, для отстранения С.Ф. Ольденбурга от должности неприменного секретаря Академии наук.

30 октября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об отстранении Ольденбурга от занимаемой должности. За две недели до этого, 17 октября, исполнилось 25 лет пребывания С.Ф. Ольденбурга в качестве неприменного секретаря, он получил поздравления, в частности, от А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского, А.С. Енукидзе, других политических деятелей. Луначарский писал: «С.Ф. Ольденбург, человек с мировым именем

как учёный и с большим положением в академическом и государственном мире с самого начала советской власти выразил своё согласие работать в контакте с ней... В течение всего периода существования этой власти мы никогда не могли пожаловаться на какие бы то ни было нелояльные или просто нетактичные шаги со стороны Сергея Фёдоровича. Он оказался одним из самых крепких и самых нужных звеньев между советской властью и нашей интеллигенцией и сыграл в этом отношении очень выдающуюся роль» [4]. На последнем Общем собрании Академии наук в 1929 г. было решено послать поздравление И.В. Сталину по случаю его пятидесятилетия.

На очередных выборах в Академию наук в 1930 г. в числе избранных академиков был В.П. Волгин (1879–1961). С 1920 г. член РКП(б), один из организаторов Социалистической (позднее Коммунистической) академии, участвовал в создании Института красной профессуры, Института Маркса-Энгельса-Ленина, входил в состав правительственной комиссии по выборам в Академию наук в 1929 г. [9]. В дальнейшем считался крупным специалистом по истории социализма, особенно в домарксов период, но к моменту избрания в академики научных заслуг почти не было. Волгин был «внедрён» в Академию наук для «большевизации» её руководства. На Общем собрании Академии наук 4 марта 1930 г., через месяц после избрания академиком, В.П. Волгин был избран непререкаемым секретарём. На том же собрании А.П. Карпинский был переизбран в очередной раз президентом Академии наук, академики Г.М. Кржижановский, Н.Я. Марр и В.Л. Комаров стали вице-президентами. Решение об этих назначениях было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 25 февраля 1930 г., за неделю до Общего собрания Академии наук. Проводя «советизацию» («большевизацию») Академии наук, Сталин всё-таки посчитал нужным сохранить старого беспартийного президента и внешнюю структуру, традиции и ритуалы Академии наук. Последним беспартийным президентом был С.И. Вавилов, скончавшийся в 1951 году.

Ещё до указанных выше назначений в конце 1929 г. начался один из самых драматических периодов в истории нашей Академии наук. Органы ГПУ сфабриковали политический процесс, жертвами которого стала большая группа учёных, в том числе академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачёв, М.К. Любавский. Первые аресты начались в октябре 1929 г., а к началу декабря 1930 г. число подследственных превысило уже 100 человек.

В дальнейшем их стало значительно больше. По данным Научно-информационного центра «Мемориал» известны имена 150-ти арестованных по этому делу [10; 11]. Примерно 80% — гуманитарная интеллигенция (историки, архивисты, краеведы). Аресты производились не только в Ленинграде, но и в Москве, Минске, других городах. Академик С.Ф. Платонов (1860–1933), историк, директор Пушкинского дома АН СССР, арестован после обыска в квартире 12 января 1930 г. На следствии показал, что является приверженцем монархии, но категорически отрицал наличие какого-либо контрреволюционного заговора. 23 января были арестованы в Ленинграде историк Е.В. Тарле (1874–1955) и историк Н.П. Лихачёв (1862–1936), одновременно в Москве арестовали историка-слависта М.К. Любавского (1860–1936). Центральной фигурой «заговора» оставался С.Ф. Платонов. Все арестованные обвинялись в создании «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (продукт фантазии следователей). Все четыре академика были преклонного возраста и политикой никогда не занимались.

2 февраля 1931 г., ещё до вынесения приговора, состоялось Чрезвычайное Общее собрание АН СССР (закрытое), на котором председателем был новый непреременный секретарь коммунист В.П. Волгин, доложивший об установлении следствием вины всех четырёх академиков и предложивший исключить их из числа членов АН СССР. Серьёзно выступил против только президент АН СССР А.П. Карпинский, подчеркнувший, что параграф о возможном отчислении академиков включён в Устав Академии наук без согласования с ней, в уставах академий наук других стран ничего подобного нет. Открытым голосованием решение об исключении четырёх академиков из числа действительных членов АН СССР было принято. За двести лет существования Академии наук в России это было первое исключение академиков по политическим мотивам, к тому же вымышленным ОГПУ. Это не обошлось без участия фракции коммунистов, первой политической группировки в Академии наук за те же двести лет. В дальнейшем подобные ситуации стали обычными, причём исключали уже не «монархистов», а самих коммунистов (Бухарин, Горбунов, Рязанов и многие другие).

Обвинение академиков в создании ими антисоветской организации, которая якобы подготавливала свержение советской власти было совершенно нелепым. Однако попытка А.П. Карпинского протестовать вызвала грубые нападки на него в печати, угрозы

отстранения от занимаемой должности. Политбюро ЦК ВКП(б) посчитало целесообразным сохранить за Карпинским занимаемую должность.

Первые приговоры тройкой представителей ОГПУ по «Академическому делу» (оно же: «Дело академика Платонова», «дело Платонова — Тарле», «Дело четырёх академиков») были вынесены в феврале 1931 г. Несколько десятков человек получили различные сроки заключения — от трёх до десяти лет. 10 мая были приговорены к расстрелу бывшие военнослужащие царской армии. 8 августа самые видные заключённые были отправлены в ссылку в различные города страны. Бывший академик С.Ф. Платонов был выслан в г. Самару, где он и скончался от сердечной недостаточности 10 января 1933 г. Трагическая судьба большой семьи С.Ф. Платонова подробно описана в монографии В.С. Брачева [11].

Преследования представителей старой русской интеллигенции продолжались. ОГПУ сфабриковало новое дело под названием «Российская национальная партия» («Дело славистов»). Аресты производились преимущественно в Москве и Ленинграде в 1933–1934 гг. Были арестованы, в частности, историк-славист академик М.Н. Сперанский (1863–1938) и крупный специалист в области древней Руси академик Б.Н. Перетц (1870–1935), был арестован ряд членов-корреспондентов АН, собирались компрометирующие материалы на академиков В.И. Вернадского и Н.С. Курнакова, арестован ряд их сотрудников. 22 декабря 1934 г. М.Н. Сперанский и Б.Н. Перетц были исключены из состава АН СССР.

Описанные сложности с обязательным избранием в действительные члены указанных свыше коммунистов, новая система выдвижения кандидатов в академики, последующая работа правительственной комиссии по проверке всех служащих в академических учреждениях, массовое увольнение опытных работников на основании их социального происхождения, возбуждение впервые в истории Академии уголовного преследования ряда действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук, последующее исключение их из числа членов Академии, отстранение от должности неперменного секретаря АН С.Ф. Ольденбурга, предстоящий переезд учреждений Академии наук в Москву — всё это в совокупности отрицательно сказывалось на здоровье А.П. Карпинского.

Тем не менее, он продолжал по возможности активную деятельность, участвовал в проводимых Академией наук мероприятиях. В июне 1931 г. состоялось первое выездное заседание АН

в Москве. Тема его: «Что может дать наука для осуществления лозунга догнать и перегнать капиталистические страны». Вторая тематическая сессия состоялась в ноябре 1931 г. в Ленинграде: «Производственные ресурсы и перспективы развития производительных сил в Ленинградской области». В 1932 г. выездная сессия Академии наук проходила в Свердловске. Тема её: «Проблемы Урало-Кузбасского комбината».

25 апреля 1934 г. Совнарком принял постановление о переводе Академии наук, высшего научного учреждения страны, в Москву. Срок переезда — с августа по октябрь 1934 г. Первыми переезжали физико-математические, химические, геологические институты и президиум Академии. А.П. Карпинский прожил в Санкт-Петербурге — Петрограде — Ленинграде почти 77 лет. Он понимал необходимость переезда Академии наук в столицу, но всячески его оттягивал. В июне 1934 г. Карпинский посетил Москву, осматривал помещение президиума, здания для институтов, места для строительства новых учреждений. 23 июня президента АН принимал в Кремле председатель ЦИК СССР М.И. Калинин. На следующий день в газете «Правда» опубликована статья Карпинского. Он писал: «Академия наук переводится туда, где находится само правительство. Это логически правильно, последовательно и вытекает из самого существа Советской власти, относящейся к науке как к своему непосредственному помощнику в строительстве новой жизни. Я не сомневаюсь, что новая московская страница в истории Академии, которую мы сегодня открываем, будет блестящей страницей» [12]. Трудно поверить, что это писал сам А.П. Карпинский.

Академик И.П. Павлов, великий учёный и борец с подавлением свободной мысли, 5 января 1935 г. писал В. М. Молотову: «...Не имею силы молчать. Около меня происходит что-то невероятно жестокое... Масса людей честных, полезно работающих, без малейшего основания, да, я это утверждаю, караются беспощадно. Как понимать это? Зачем это? Пощадите же родину и нас». Какова же реакция Молотова: «т. Сталину. Сегодня получил новое чепуховое письмо академика Павлова».

Письмо И.П. Павлова написано через месяц после убийства С.М. Кирова, когда так называемый «кировский поток» репрессий (1934–1935 гг.) только ещё набирал силу.

А.П. Карпинский всячески оттягивал свой переезд в Москву, хотя шикарные апартаменты для него с учётом всей большой семьи были приготовлены. В апреле 1935 г. он вместе

Президент Российской Академии наук и Академии наук СССР академик А. П. Карпинский (1917–1936)

и начало 1937 гг. приходились четыре круглые даты, касающиеся А.П. Карпинского: 90 лет со дня рождения, 70 лет его научной деятельности, 50 лет со времени избрания академиком, 20 лет пребывания в должности президента Академии наук. Предполагалось отметить все даты вместе в январе 1937 г. Однако активную деятельность А.П. Карпинского в Москве прервала тяжёлая болезнь. 19 июня он почувствовал первые признаки заболевания и, несмотря на все усилия столичных врачей, скончался 15 июля

с академиками Н.Д. Зелинским и А.Д. Архангельским принял участие в праздновании 25-летия Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского. В мае того же года Карпинскому сделали в Ленинграде операцию по удалению катаракты обоих глаз. В июне 1935 г. в сопровождении старшей дочери учёный на пароходе туда и обратно выезжал в Лондон для участия в праздновании 100-летия Геологического общества Великобритании.

30 августа 1935 г. президент Академии наук переехал в Москву. Тянуть с переездом дальше было нельзя, академические учреждения уже целый год работали в Москве. На 1936

и начало 1937 гг. приходились четыре круглые даты, касающиеся А.П. Карпинского: 90 лет со дня рождения, 70 лет его научной деятельности, 50 лет со времени избрания академиком, 20 лет пребывания в должности президента Академии наук. Предполагалось отметить все даты вместе в январе 1937 г. Однако активную деятельность А.П. Карпинского в Москве прервала тяжёлая болезнь. 19 июня он почувствовал первые признаки заболевания и, несмотря на все усилия столичных врачей, скончался 15 июля 1936 г., не дожив до своего девяностолетия.

За болезнью учёного следила вся страна, газета «Правда» регулярно публиковала специальные бюллетени. Гроб с телом А.П. Карпинского был установлен в Большом зале Консерватории. За два дня с покойным президентом

Академии наук простилось более 200 тысяч человек. Похоронен был учёный 17 июля на Красной площади, у Кремлёвской стены. На траурном митинге выступили видный государственный деятель И.И. Межлаук (1891–1938, расстрелян), в то время председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы, академики Г.М. Кржижановский, В.А. Обручев. В тот же день Совнарком принял постановление об увековечивании памяти президента Академии наук А.П. Карпинского.

Это был чрезвычайно скромный человек, выдающийся геолог, подлинный труженик науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соболев В.С. Августейший президент. 1889–1915 годы. СПб.: «Искусство-СПб», 1993. 182 с.
2. Морачевский А.Г., Фирсова Е.Г. Президент Академии наук Константин Константинович Романов. К 160-летию со дня рождения // Научно-технич. ведомости СПбПУ. Естеств. и инж. науки. 2018. Т. 24. № 2. С. 199–206.
3. Басаргина Е.Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. Из истории русской науки 1867–1916. СПб.: Изд-во СПб. института истории РАН «Нестор-История», 2004. 468 с.
4. Каганович Б.С. Сергей Фёдорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 252 с.
5. Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего... Российская Академия наук. Национальное и культурное научное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 380 с.
6. Морачевский А.Г. Люди и судьбы. Россия в XX и XXI веках: девять отдельных очерков. СПб.: ХИМИЗДАТ, 2021. 252 с.
7. Соболев В.С. Академия и власть 1918–1930 // Вестник РАН. 1998. Т. 68, № 2. С. 176–182.
8. Морачевский А.Г. Академик Владимир Иванович Вернадский. К 150-летию со дня рождения. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2013. 108 с.
9. Гладышев А.Б. Историк социализма (к 125-летию со дня рождения академика В.П. Волгина) // Вестник РАН. 2004. Т. 74, № 5. С. 467–476.
10. Лерченок Ф.Ф. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 96–104.
11. Брачев В.С. Крестный путь русского учёного. Академик С.Ф. Платонов и его «Дело». СПб.: Стомма, 2005. 436 с.
12. Романовский С.И. Карпинский в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Лениздат, 1987. 256 с.